

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА

THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS

Михаил Шемякин

Иллюстрации к стихам и песням
Владимира Высоцкого



Mihail Chemiakin

Illustrations to the poems and songs
of Vladimir Vysotsky

МОСКВА 2011 MOSCOW

Директор ГМИИ им. А. С. Пушкина
И. А. Антонова

Заместитель директора по выставкам
и международным связям
З. А. Бонами

Заместитель директора
по научной работе
А. В. Толстой

Главный хранитель
Т. В. Поталова

Заведующая Отделом выставок
А. А. Каменских

Куратор выставки
К. В. Безменова

При поддержке:







M. Ghossein

B. Baccagiam

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина

The Pushkin State Museum of Fine Arts

Михаил Шемякин

Иллюстрации к стихам и песням
Владимира Высоцкого

Mihail Chemiakin

Illustrations to the poems and songs
of Vladimir Vysotsky

МОСКВА

9 НОЯБРЯ – 12 ДЕКАБРЯ
2011

MOSCOW

NOVEMBER 9 – DECEMBER 12
2011



Уже не в первый раз Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина представляет в своих залах произведения Михаила Шемякина. Художник разностороннего дарования, он знакомил наших зрителей с графическими работами по мотивам пушкинской «Русалки», а также рисунками к новой постановке «Щелкунчика» Э. Т. А. Гофмана — балету «Волшебный орех» в петербургском Мариинском театре.

Иллюстрации, созданные к книге «Две судьбы», посвященной Владимиру Высоцкому (СПб.: Вита Нова, 2011), — не просто новая встреча с творчеством Шемякина, но и возможность глубже узнать его самого. Это рассказ о знакомстве, сотворчестве и, по выражению автора, «жизнетворчестве» двух русских людей, по воле судьбы встретившихся в Париже. Их несомненный талант, принадлежность общим культурным корням и огромная внутренняя энергия необычайно сближали, «сплавляли» их души.

В записках Шемякина — ранее неизвестное о Высоцком, в частности о его восприятии творчества выдающихся европейских художников XX века, знакомству с которыми способствовал Шемякин. Об их общем увлечении живописью Сутина, пластикой Генри Мура и Джакомети...

Словесный и графический рассказ художника о друге, эпохе и о себе самом на перекрестках времени и культуры, мы уверены, с интересом будет воспринят читателями и зрителями выставки.

Ирина Антонова,
директор
ГМИИ им. А. С. Пушкина

This is not the first time that the Pushkin State Museum of Fine Arts will exhibit works by Mihail Chemiakin in its halls. Chemiakin is an artist with a many-faceted gift; in recent years he has shown our public graphic works on the theme of Pushkin's "The Mermaid", as well as sketches for a new ballet based on the Hoffman tale "Nutcracker and the Mouse King" — "The Magic Nut", staged in the Mariinsky Theater in St. Petersburg.

The illustrations published in the new book "Two Fates", dedicated to Vladimir Vysotsky (St. Petersburg: Vita Nova Publishers, 2011) represent not just a new encounter with Chemiakin's art, but also a chance to acquire a more profound understanding of the artist himself. This is the story of the acquaintance, co-creation, and, in the artist's words, "life-creation" of two Russians who happened to meet in Paris. Their unquestionable talent, their common cultural roots and their enormous inner energy brought them exceptionally close and "fused" their souls.

In Chemiakin's texts we find much that was previously unknown about Vysotsky, in particular his reaction to the work of the great European artists of the 20th Century, to which Chemiakin helped introduce him. We learn of their common enthusiasm for the painting of Soutine, the sculpture of Henry Moore and Giacometti...

The artist's literary and graphic story about his friend, about their time and about himself at the crossroads of eras and cultures, we are sure, will be received with interest by both readers and visitors to this exhibition.

Irina Antonova,
Director
The Pushkin State Museum of Fine Arts

Дружба Михаила Шемякина с Владимиром Высоцким являет собой удивительный образец сотрудничества. Сила притяжения их творческих миров настолько велика, что диалог поэта и художника продолжился и после смерти Высоцкого. Результатом тридцати лет работы Михаила Шемякина, тридцати лет постоянного обращения к задуманной теме стали его иллюстрации к стихам Высоцкого и его воспоминания о друге. Вышедшая книга «Две судьбы» и настоящая выставка являются уникальным опытом интерпретации творчества Высоцкого, причем интерпретации не только изобразительной. Известно, что художники редко поясняют свои работы. Но Шемякин нарушил это правило. Он комментирует собственные иллюстрации, потому что они — своеобразный ключ не только к песням друга, но и к тайне художественного мира поэта.

Мы уверены, что и книга, и выставка работ Михаила Шемякина, посвященные Владимиру Высоцкому, приоткрывают для нас эту тайну — настолько, насколько это позволяет продолжающийся метафизический диалог поэта и художника.

Алексей Захаренков,
генеральный директор
издательства «Вита Нова»

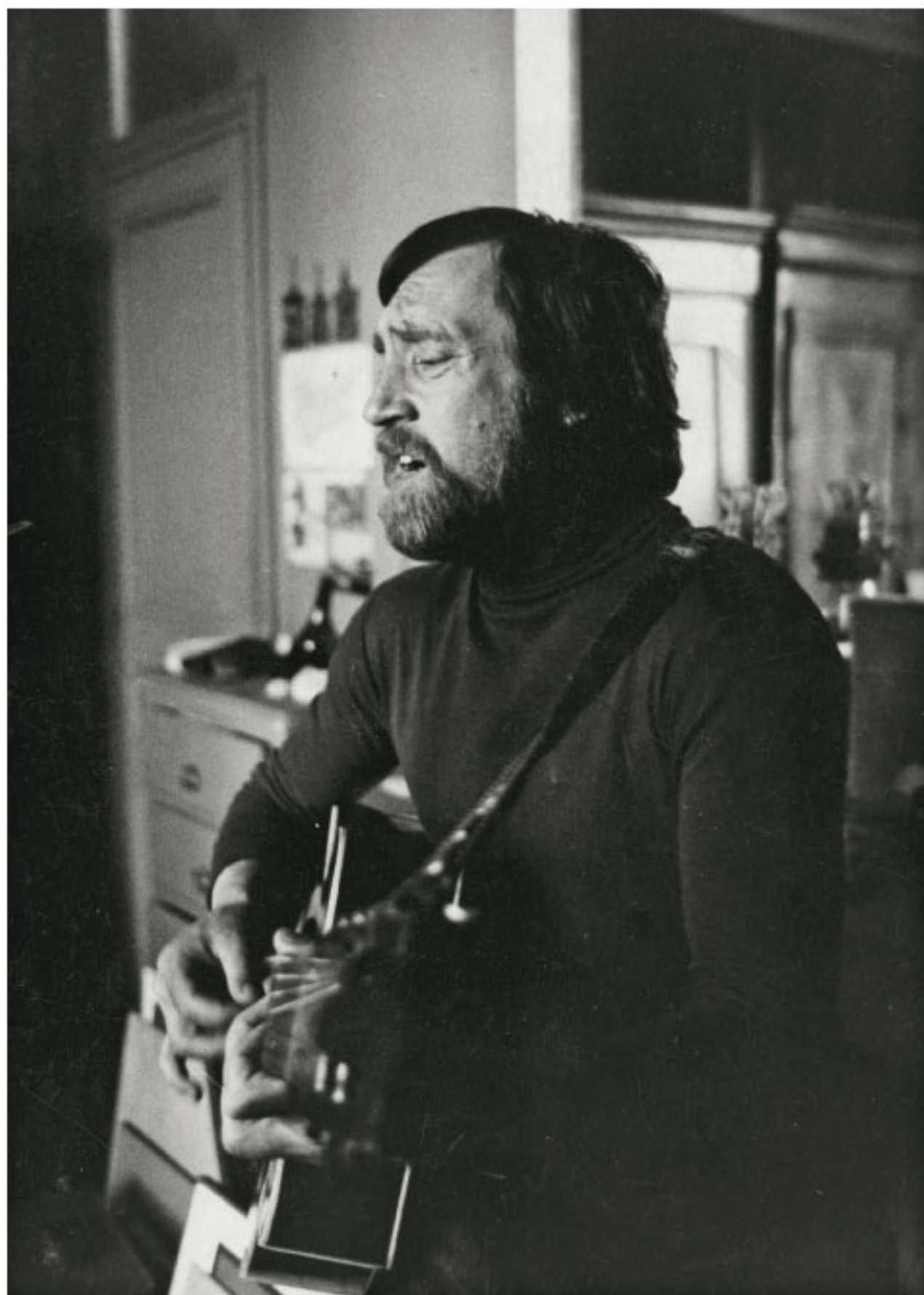
The friendship between Mihail Chmiakin and Vladimir Vysotsky is an extraordinary case of co-creation. The magnetic power of their creative worlds was so great that the dialogue between the poet and the artist continued even after Vysotsky's death.

The result of thirty years of work by Mihail Chmiakin, thirty years of constantly returning to this subject, is this series of illustrations to Vysotsky's poetry and his reminiscences on his friend. The newly published book "Two Fates" and this exhibition represent a unique experiment in the interpretation of Vysotsky's work, — and the interpretation is not solely visual. Artists rarely comment on their own work. Chmiakin has broken this rule. He wrote commentary on his own illustrations because they provide a key not only to particular songs, but also to the secret artistic world of his friend, the poet.

We are convinced that both the book and the exhibition of works by Mihail Chmiakin dedicated to Vladimir Vysotsky, will reveal this secret to us — as much as it is possible, given the continuing metaphysical dialogue between poet and artist.

Aleksey Zakharenkov,
Director General
of "Vita Nova" Publishers





Владимир Высоцкий в мастерской Михаила Шемякина. Фотография М. Шемякина. Париж, 1970-е
Vladimir Vysotsky in Mihail Chemiakin's studio. Photo by M. Chemiakin. Paris, 1970s

Михаил Шемякин

ФЕНОМЕН ВЫСОЦКОГО

Что это за удивительное и столь яркое явление в России — Владимир Высоцкий?

Почему прижизненная любовь и признание народное? Не обласканность власть имущими, а гонение и замалчивание его поэзии, его песен, его актерского дарования. Почему он и после смерти остается любимцем России, востребованным в третьем тысячелетии?

В чем сила его творчества? Думаю, она заключается в необычайно острой способности прочувствовать любую жизненную ситуацию, войти в нее и затем суметь в различных формах, от ироничных до неистово-исступленных, донести прочувствованное до слушателя, до зрителя, до читателя. Многие роднит его с Бодлером, Верленом, Рембо — певцами злых мест, разбитых сердец и судеб, бедолаг, отвергнутых сытым мещанским миром. Поэтами, воспевавшими порочные «цветы зла» ночных бульваров Парижа. Эти поэты пили и кололись попеременно с творчеством, опять же схожим с безумным опьянением. Они пробуждались в грошовых борделях, а чаще в полицейских участках. Сознательно или нет, но они шли по стопам своего гениального предтечи и учителя Франсуа Вийона. Они, как и он, ненавидели пошлость, лицемерное убожество буржуазной морали, презирали затхлый мирок обывателя. Верлен спал с Рембо, стрелял в него. Бодлер умер от наркотиков и французской болезни.

Эстафету этих трагических гениев приняли русские пииты: Есенин, Маяковский, Цветаева. Если они сами не успевали убить себя, их убивали (как Мандельштам). О многих наших друзьях Володя напишет строки, которые и для него станут пророческими:

Мои друзья ушли сквозь решето —
Им всем досталась Лета или Прана,
Естественною смертью — никто,
Все — противоестественно и рано.

Фантастична, ужасна и трагична судьба избранного Музой поэта, но одновременно и прекрасна. Избранные и проклятые. («Насекомообразным» этого не вместить!)

Mihail Chemiakin

THE PHENOMENON OF VYSOTSKY

How can one define that extraordinary and vivid phenomenon in Russian culture, Vladimir Vysotsky? Why was he so loved and recognized by the people in his lifetime? He was not favored by those in power — on the contrary, his poetry, his songs, his gifts as an actor, were all subjected to harassment and officially ignored. Why is it that long after his death he remains beloved in Russia, still in demand in the third Millennium?

What is the strength of his work? I think it lies in his unusually acute empathy with people in all kinds of situations, his ability to enter into another person's consciousness and then, in different forms, from gently ironic all the way to furious and passionate, bring the experience to his listener, his audience, his reader. He has much in common with Baudelaire, Verlaine and Rimbaud — the bards of dens of vice, of broken hearts and lives, of poor fellows rejected by the sated bourgeois world. These poets celebrated the sinful "flowers of evil" of Paris' nocturnal boulevards, they drank and took drugs as they created, the creative process itself was for them a kind of mad drunkenness. They woke up in cheap brothels, and even more often in police stations. Consciously or not, they followed in the footsteps of their great predecessor and teacher Francois Villon. Like him, they despised banality, the hypocritical mediocrity of bourgeois morality; they hated the Philistine's mediocre existence. Verlaine slept with Rimbaud and shot him. Baudelaire died from narcotics and from the French disease.

Russian poets, among them Eсенин, Mayakovsky and Tsvetaeva, carried on the tradition of these tragic geniuses. If they did not manage to kill themselves, they were killed (like Mandelshtam). Volodya wrote these lines about many of our friends, and the words turned out to be prophetic for him as well:

My friends disappeared through a sieve —
All of them done in by Lethe or by Prana, —
No one died a natural death,
They all went unnaturally and early.

The fate of this inspired poet was fantastic, terrible and tragic, and at the same time magnificent. Chosen and damned. (Although this is too much for petty minds to comprehend!)

По духу веселой бесшабашности, по боли и горечи, сквозящей в его песнях, Высоцкий ближе всего к средневековой фигуре зубоскала и повесы, бесстрашно обличавшего власть имущих, преследуемого церковной и светской властью, приговоренного к смертной казни разбойного школяра — Франсуа Вийона.

О схожести пути и судьбы Высоцкого и Вийона говорят многие строки песен и баллад барда двадцатого столетия:

Мне судьба — до последней черты, до креста
Спорить до хрипоты, а за ней — немота...

Или —

Может, кто-то поставит свечу
Мне — за голый мой нерв, на котором кричу...

Можно легко представить, что эти строки написаны отчаянным Франсуа в XV веке. Мне кажется, что Высоцкий удивительно соединил в себе бесшабашную русскую душу с трезвым мышлением наблюдателя, аналитика и с глубинным восприятием мира, свойственным большому художнику. Он и «заземлен», и одновременно метафизичен. Этот сплав в сочетании с неистовой творческой энергией и приблизил его к гениальности. И по закону духовного мира, духовной природы, власть имущие стремились его уничтожить, а чуткая душа народа приняла его и полюбила.

Был ли Высоцкий диссидентом? Разумеется, нет. Он не принимал участия в политических акциях, как это делали московские противники советского беспредела, такие как Петр Якир — сын казенного Сталиным маршала Якира; поэт Вадим Делонэ, потомок обезглавленного солдатами Революции коменданта парижской Бастилии, поэтесса Наталья Горбаневская — одни из тех, кто получил и отсидел по три года лагерей за три минуты протеста против ввода советских танков в Прагу. Или погибшие в советских тюрьмах Анатолий Марченко и Владимир Галансков, и еще многие другие узники Совести, чьих имен уже не помнят, а памятника или плиты с именами погибших за демократию в демократической России у «короткопамятных» они, как видно, пока не заслужили... Высоцкий был непримиримым и бесстрашным инакомыслящим, не боявшимся «обрыва», идущим всю жизнь по «натянному канату». Сегодня трудно понять ту смелость, которая позволила Высоцкому «прохрипеть» в лицо Власти: «что вся история страны — история болезни». Он прекрасно

In the spirit of merry recklessness, in the pain and bitterness which permeate his songs, Vysotsky is closest of all to that Medieval scoffer and rake, who fearlessly exposed those in power, was repressed by both clerical and lay leaders and sentenced to death, that bandit of a schoolboy — Francois Villon.

The similarity between Vysotsky's and Villon's lives are expressed in many of the 20th century bard's lines:

My lot is — to the last limit, to the cross
To argue 'till I go hoarse, then — mute...

Or,

Perhaps someone will light a candle
For me — for my naked nerve, on which I shout...

These lines could have been penned in the 15th Century by a desperate Francois. I think that Vysotsky to an astonishing extent embodied both the reckless Russian soul and the sober thought of an analytic observer with a great artist's profound understanding of the world. He is at once "earthly" and metaphysical. This alloy, combined with a furious creative energy, all brought him closer to genius. And according to the laws of the spiritual world, of spiritual nature, those in power strove to destroy him, while the sensitive soul of the people accepted and loved him.

Was Vysotsky a dissident? Of course not. He did not take part in political protests, as did many muscovite opponents of the disastrous Soviet regime, people like Petr Yakir — whose father Marshall Yakir was executed by Stalin; the poet Vadim Delaunay, whose ancestor, the commander of the Paris Bastille, was beheaded by the soldiers of the French Revolution; the poet Natalya Gorbanevskaya, — three of the protesters who spent three years in the prison camps for three minutes of protest against the incursion of Soviet tanks in Prague. Or like Anatoly Marchenko and Vladimir Galanskov, who died in Soviet prisons, and so many more prisoners of conscience whose names are forgotten, and who have apparently not yet been found deserving, in democratic Russia, by the short of memory, of a memorial to those who died for democracy... Vysotsky was an uncompromising and fearless free-thinker, who did not fear the "precipice", who all his life walked along a "tightrope". Today it is hard to understand this courage, which allowed Vysotsky to "wheeze" in the face of Power: "the whole history of the land — is a history of illness." He understood perfectly that for each and every of his "serious" songs he could "earn"

сознавал, что за каждую из своих «серьезных» песен он мог «схлопотать» свои восемь лет по всем тогда известной статье. Но он пел и писал. Пожалуй, это больше чем диссидентство. Идеологические отделы КГБ, ведущие борьбу с диссидентством, с нонконформизмом и инакомыслием, прекрасно понимали и чувствовали это и ни на минуту не оставляли поэта «без внимания». Об этом Высоцкий напишет:

Организации, инстанции и лица
Мне объявили явную войну
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну...

Страна на его «хрип» отвечала одобрителем народным гулом.

У многих людей, хорошо знавших меня и Володю, возникал вопрос: почему у этих двух людей, принадлежащих к разным профессиям и во многом несхожих, неожиданно возникла большая творческая и мужская дружба?

Наверное, в каждом из нас живут бес и ангел. От того, кто победит в прижизненной схватке, зависит наша дальнейшая судьба и пребывание в мирах иных после визита госпожи Смерти. Наша дружба родилась действительно внезапно, но было ясно, что это — навсегда. Ангелы наши творящие и любящие Свет, Красоту и Справедливость, узнали друг друга, а духи бесшабашности, буйного отчаянного веселья и разгула, сидящие в каждом из нас, узнали друг друга тоже. В своей книге «Прерванный полет» Марина Влади пишет: «Я всегда не понимала их дружбы и что их могло объединять кроме таланта и страсти к выпивкам». Ну, наверное, она говорила, сама того не подозревая, о сходстве наших Ангелов и Бесов.

Я познакомился с Володей в 1974 году, вскоре после того, как он женился на Марине Влади и стал часто бывать в Париже. Годы общения с Володей — это целая жизнь, прожитая нами в творческом и дружеском единении. До сих пор сложно подобрать слова, которые могли бы выразить мое отношение к Володе, показать ту силу сотворчества и «жизнетворчества», которая опалила и сплвила наши души.

Я как сейчас помню мою первую с ним встречу. В то время, высланный из Советского Союза, я жил в Париже и заслуженно имел серьезное имя в кругах западной интеллигенции. То было время профессионалов, художник ценился за мастерство рисунка, за высокие колористические достижения, за интересные находки и озарения в своем творчестве. Время «шпаны от искусства» еще не наступило. Голозадых,

8 years of imprisonment under the law well known to everyone in Russia at the time. But he sang and wrote nonetheless. I would say that this is even more than dissidence. The ideological department of the KGB, which led the struggle against dissidence, non-conformism and free-thinking, understood and sensed this, and never for a moment did they leave the poet "unminded". Vysotsky wrote about this:

The organizations, the commands, the individuals
Declared open war on me
Because I disturbed the silence,
Because I wheeze to the whole country...

The country reacted to his "wheeze" with an approving national rumble.

Many people who know both of us have wondered how Volodya and I, two people from different professions and superficially so unlike one another, could become such close creative and personal friends.

In every one of us live both demon and angel. The outcome of their struggle within each of us during our lifetimes determines our fate and our presence in the netherworld after we are visited by Madame Death. My friendship with Volodya did in fact arise suddenly, but it was immediately clear that it was for good. Our creative Angels, who love Light, Beauty and Justice, recognized one another; and the spirits of recklessness, of wild and desperate merriment and revelry, which sat in each of us — also recognized one another. In her book "Vladimir, ou Le vol arrêté", Marina Vlady writes, "I never understood their friendship and what could unite them other than talent and a passion for drinking." Here she wrote, without realizing it, about the similarities of our Angels and Demons.

I met Volodya in 1974, shortly after he married Marina Vlady and became a regular visitor to Paris. The years of contact with Volodya were for me a whole lifetime, which we spent in creative and comradely unity. Even today it is hard to put in words how I feel about Volodya, to show that strength of co-creation, and "life-creation" which singed and melded our souls.

Our first meeting is fresh in my mind, as if it were yesterday. At the time, I was an exile from the Soviet Union living in Paris, and had earned a serious reputation in European intellectual circles. It was a time of professionals, when an artist was valued for his mastery of drawing, for coloristic achievements, for interesting discoveries and inspiration in his art. The time of "art punks" had not yet arrived. No one yet walked bare-bottomed, "Sharikov men-as-dogs" into galleries on a leash. At the time, the brilliant ballet

«писавших Шариковых» в галереи на поводках еще не приводили. Совершивший скандальный побег из коммунистического рая — блистательный балетный танцор Михаил Барышников, живший в то время у сестры Марины Влади, предложил познакомить меня с Володей Высоцким.

Встреча была назначена в роскошном особняке XVIII века на улице Гренель. В нем и жила родная сестра Марины Влади, не менее известная актриса кино и театра — Одиль Версуа, а для нас русских — Тая Полякова. Замужем она была за итальянским аристократом, им-то и был приобретен этот великолепный дом. Роскошная мраморная лестница, простенки которой украшали гобелены музейного уровня, тканые еще в далеком XVI веке. В большой парадной зале состоялось знакомство с сестрами-актрисами и с Володей Высоцким. Высоцкий был «в завязке», выпивки ни на столе, ни под столом не было. Но был — ольняющий и ошеломляющий концерт-спектакль одного актера, певца, поэта Владимира Высоцкого. Всю ночь он исполнял свои новые песни... «Банька по-белому», «Банька по-черному»... Трагизм текста и нечеловеческая энергетика, исходящая от исполнителя, захватили и покорили меня. «Диалог у телевизора» обнаружил в нем уникального «пересмешника», наблюдательного, тонкого, ироничного и доброго.

На улицу мы с Володей вышли вместе и до рассвета бродили вдоль Сены. Было ощущение, что мы давным-давно знаем друг друга, но только очень долго были в разлуке. И вот сейчас нужно было выговориться, поведать друг другу что-то важное и нужное для нас обоих. Наша дружба состоялась. А вслед за ней пришли столь необходимые для нас обоих — творческое общение и работа. Володе я помогал открывать литературно-художественные произведения, с которыми, в силу идеологических и политических препон, невозможно было ознакомиться в Советском Союзе. Знакомил с работами неизвестных ему мастеров живописи, скульптуры и графики. Надо сказать, что «просвещать» его было легко, видимо, врожденный вкус помогал ему проникать в сложнейшие замыслы и миры титанов изобразительного искусства. Он влюбился в неистовый мир живописных полотен Сутина, восторгался гармонией форм в скульптурах Генри Мура и Джакометти.

К каждому приезду Володи я готовил множество альбомов по искусству, книги запрещенных литераторов и труды русских философов, изгнанных в свое время вождем революции. Это были заинтересовавшие его сочинения Бердяева, Шестова и Федорова; особенно полюбил он «Опавшие листья» Василия

dancer Mikhail Baryshnikov, having made a scandalous escape from Communist Paradise, was staying with Marina Vlady's sister Odile Versois (to us, her fellow Russians — Tanya Polyakova, and, like Marina, a well-known actress) and offered to introduce me to Vladimir Vysotsky.

The meeting was arranged in the rue de Grenelle in a grand 18th century mansion which belonged to Odile Versois' husband, an Italian aristocrat. We climbed a magnificent marble staircase whose walls were hung with museum-quality tapestries spun in the distant 16th century, and arrived in a spacious reception room where I was introduced to the actress sisters and to Volodya Vysotsky. Volodya was "on the wagon", so there was no liquor on the table or even under it. Instead we were treated to a stunning, intoxicating concert and one-man show by the actor, singer, and poet — Vladimir Vysotsky. All night he sang his new songs... "White bath-house", "Black bath-house"... The tragedy of the text and the inhuman energy emanating from the performer took hold of me and won my heart. The humorous song "A dialogue by the television" showed Volodya to be an unsurpassed "parodist", observant, sensitive, ironic and kind.

Volodya and I left the gathering together and walked along the Seine until dawn. It was as if we had known each other long long ago, but had been separated for a long time. And now we needed to talk everything over, to tell each other something important and essential for both of us. Our friendship was sealed. And then came the most important part of that friendship — creative contact and work. I helped Volodya to discover works of art and literature which ideological and political obstacles made it impossible to find in the Soviet Union. I introduced him to the works of painters, sculptors and illustrators that he didn't know. It must be said that it was easy to "enlighten" him, — apparently his inborn good taste helped him to penetrate the most complex ideas and worlds of the giants of fine art. He fell in love with the passionate world of Chaim Soutine's paintings, was thrilled by the harmony of form in the sculpture of Henry Moore and Giacometti.

For each of Volodya's visits to Paris I prepared piles of books on art, forbidden literature, works by Russian philosophers exiled by the leader of the Revolution. These last included Berdyaev, Shestov and Fyodorov; Volodya particularly liked Vassily Rozanov's book "Fallen Leaves", and he was very interested by the poetry of Kharms, Vvedensky, Aleinikov and other members of the "Oberiu" group.

Fully aware of the forced lacunae in his knowledge of contemporary music, Volodya wrote me in 1975:

Розанова, серьезно увлекся прозой и поэзией обэриутов — Хармса, Введенского, Олейникова.

Понимая вынужденные пробелы в знаниях современной музыки, Володя писал мне в 1975 году: «Мишка! Просвещай меня музыкально, ибо я — темен». Поэтому для него отбирались виниловые пластинки с произведениями не исполняемых в СССР композиторов — Шенберга, Берга, Веберна и Штокгаузена. «Лунный Пьеро» Шенберга в блистательном и глубоком исполнении Элизабет Шварцкопф настолько поразил и восхитил Володю, что каждый раз, посещая мое ателье, он прежде всего просил поставить любимую пластинку.

Мне Володя открывал, благодаря своему умению увидеть все по-своему, мир российского быта, новые неведомые мне стороны этой уникальной страны и ее насельников (по меткому наблюдению Николая Бердяева, обозначившего ее не как страну, а как экспериментальную лабораторию Господа Бога). Мне кажется, что такие разные и одновременно мощные явления в поэзии XX века, как Бродский и Высоцкий, — тоже результаты божественного эксперимента в этой странной, страшной и одновременно великой Божественной Лаборатории, именуемой Россией.

“Mishka! Educate me musically, for I am ignorant.” And so I collected LPs with the works of composers, whose music was forbidden in the USSR: Schoenberg, Berg, Webern and Stockhausen. Schoenberg’s “Pierrot Lunaire” in the brilliant interpretation of Elisabeth Schwarzkopf so impressed Volodya that he asked me to play that record every time he visited my studio.

Thanks to his ability to see things in his own way, Volodya showed me the world of Russian day-to-day life, new aspects, unknown to me, of this unique country and her inhabitants (Nikolai Berdyaev aptly wrote that Russia is not a country, but the experimental laboratory of the Lord God). It seems to me that such different and simultaneously powerful phenomena in 20th Century poetry as Brodsky and Vysotsky — are also the result of the heavenly experiments in this strange, terrifying, and at the same time great Godly Laboratory called Russia.



Михаил Шемякин с гитарой Владимира Высоцкого
Фотография А. Львова. Нью-Йорк, 1981

Mihail Chemiakin with Vysotsky's guitar
Photograph by A. Lvov. New York, 1981



Набат

2006. Тушь, акварель, бумага, 270 x 255 мм

The Tocsin

2006. Ink, watercolor, paper, 270 x 255 mm



Пожары

2004. Тушь, акварель, бумага, 357 x 256 мм

Fires

2004. Ink, watercolor, paper, 357 x 256 mm



Попытка самоубийства

2005. Тушь, акварель, бумага, 356 x 258 мм

An Attempted Suicide

2005. Ink, watercolor, paper, 356 x 258 mm

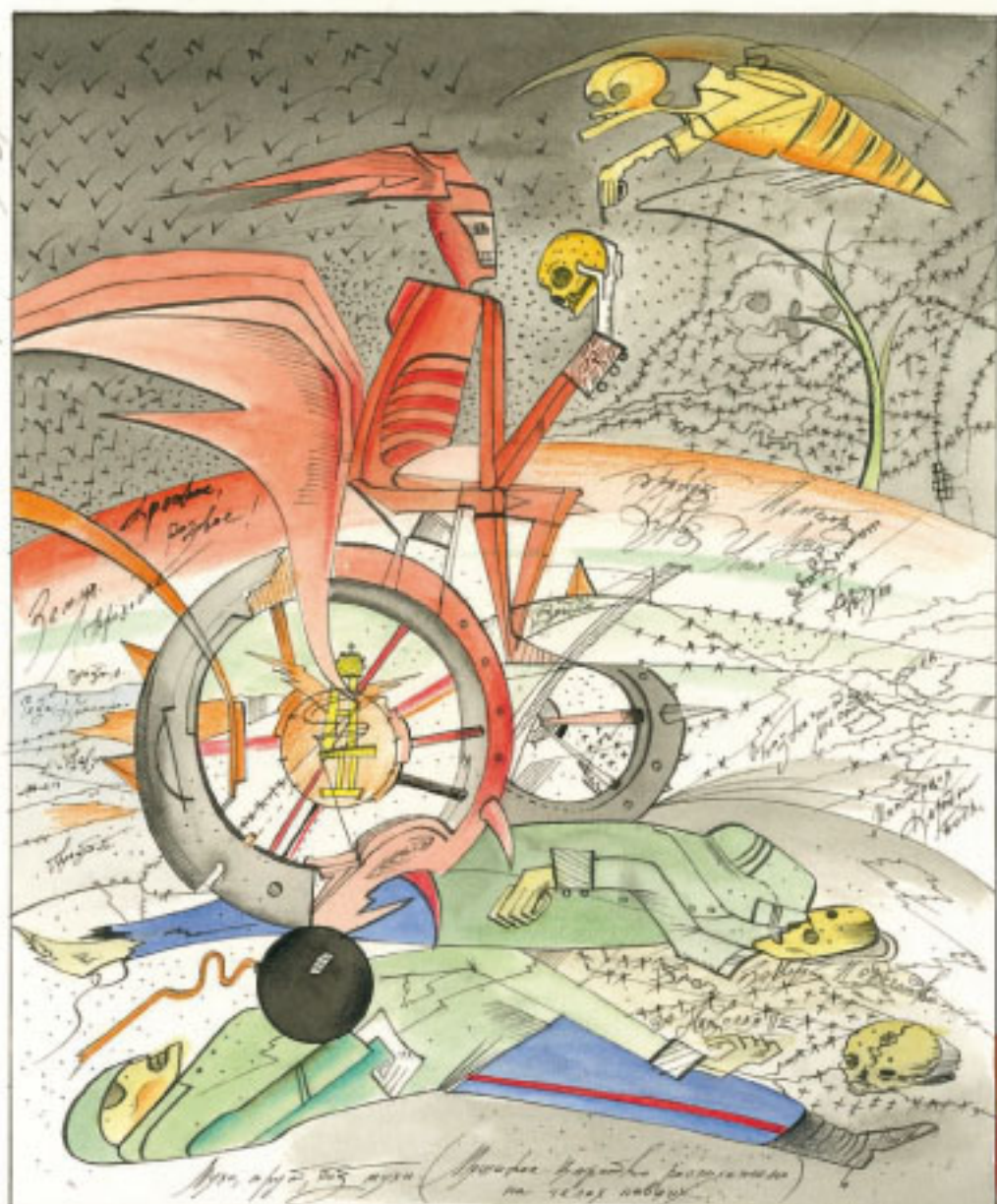


Белый вальс

2007. Тушь, акварель, бумага, 351 x 256 мм

The White Waltz

2007. Ink, watercolor, paper, 351 x 256 mm



Апрель на Пскове Мухомов...
 (В. Зарубин, Зарубин, Зарубин...)
 Цвет — красное — земля...
 (Сербия, белая, белая...)
 (В. Зарубин, Зарубин, Зарубин...)
 (В. Зарубин, Зарубин, Зарубин...)

Эскиз иллюстрации к песне «В плен — приказ: не сдаваться, — они не сдаются...»

2004. Тушь, акварель, бумага, 357 x 257 мм

Sketch for the illustration to "We have orders: no surrender..."

2004. Ink, watercolor, paper, 357 x 257 mm



«В плен — приказ: не сдаваться, — они не сдаются...»

2005. Тушь, акварель, бумага, 358 x 259 мм

"We have orders: no surrender..."

2005. Ink, watercolor, paper, 358 x 259 mm



«Реже, меньше ноют раны...»

2005. Тушь, акварель, бумага, 359 x 257 мм

"The wounds ache less, less often..."

2005. Ink, watercolor, paper, 359 x 257 mm



Спасите наши души

2007. Тушь, акварель, бумага, 356 x 257 мм

Save Our Souls

2007. Ink, watercolor, paper, 356 x 257 mm



Песня о новом времени

2009. Смешанная техника, бумага, 354 x 255 мм

A Song about the New Time

2009. Mixed media on paper, 354 x 255 mm



Третий забег в небе В. Висоцкого
 95-й истребитель.
 10. Уничтожил он рак противника в воздухе, вернувшись
 15. в Лес Смерти, сгоревший под обстрелом. (Битва
 в небе)

М. Кривошечников
 2007.

Эскиз иллюстрации к песне «Смерть истребителя»
 2007. Коллаж, тушь, карандаш, цветной карандаш, бумага, 288 x 229 мм
 Sketch for the illustration to "Death of a Fighter Plane"
 2007. Collage, ink, pencil, colored pencil, paper, 288 x 229 mm



Смерть истребителя
2007–2008. Тушь, акварель, бумага, 358 x 256 мм
Death of a Fighter Plane
2007–2008. Ink, watercolor, paper, 358 x 256 mm



Купола

2009. Тушь, акварель, бумага, 354 x 256 мм

Cupolas

2009. Ink, watercolor, paper, 354 x 256 mm



Серебряные струны
1985–2005. Смешанная техника, бумага, 278 x 325 мм
Silver Strings
1985–2005. Mixed media on paper, 278 x 325 mm



Охота на волков
2007. Тушь, акварель, бумага, 356 x 256 мм
The Wolf Hunt
2007. Ink, watercolor, paper, 356 x 256 mm



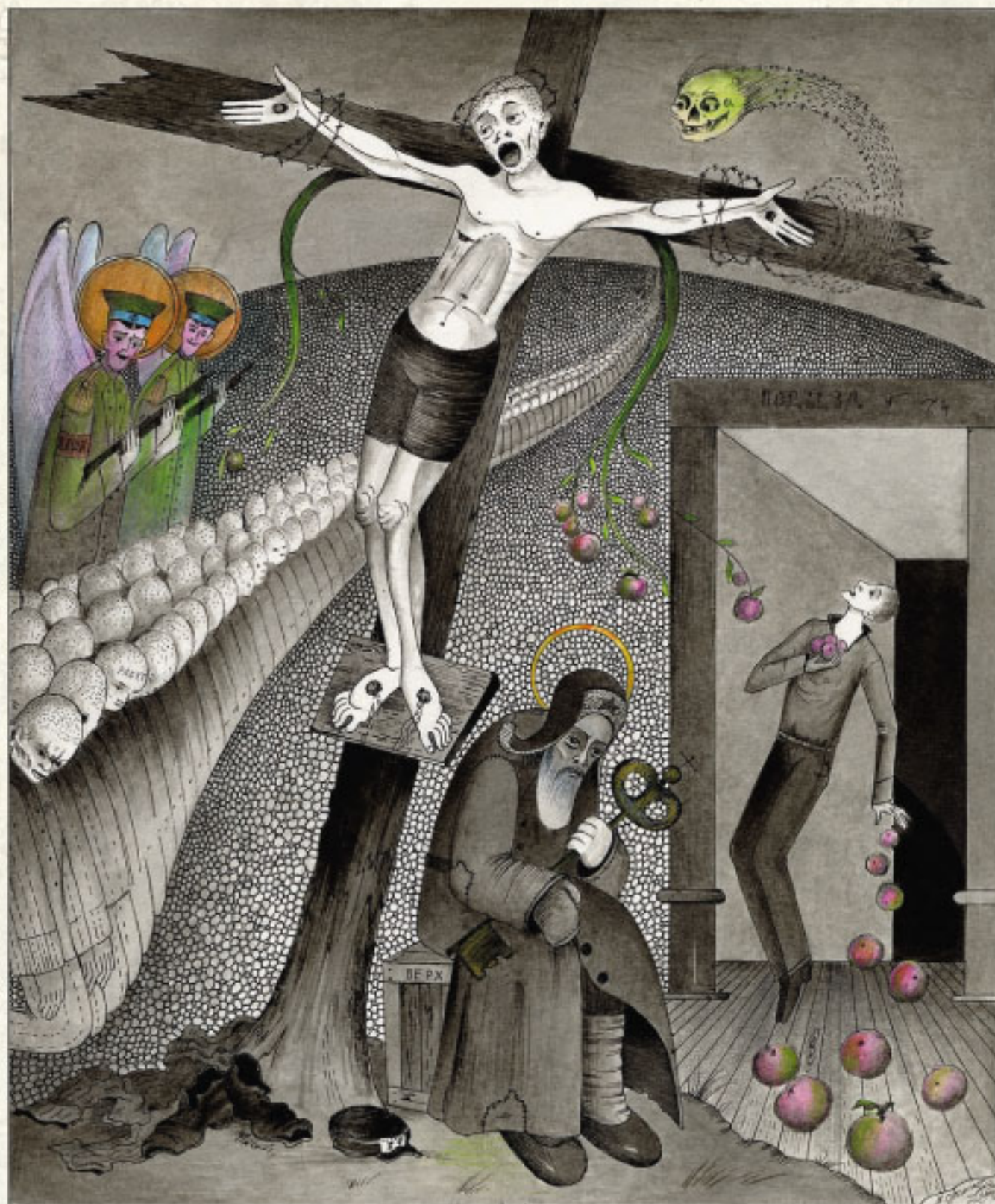
Конец охоты на волков
2007. Тушь, акварель, бумага, 357 x 257 мм
The End of the Wolf Hunt
2007. Ink, watercolor, paper, 357 x 257 mm



Ответ на песню «Охота на волков»
2007. Тушь, акварель, бумага, 357 x 256 мм
An Answer to the Song "The Wolf Hunt"
2007. Ink, watercolor, paper, 357 x 256 mm



Эскиз иллюстрации к песне «Райские яблоки»
 2005. Цветной уголь, тушь, цветной карандаш, бумага, 290 x 228 мм
 Sketch for the illustration to "Paradise Apples"
 2005. Colored charcoal, ink, colored pencil, paper, 290 x 228 mm



Райские яблоки
 2007. Тушь, акварель, бумага, 356 x 257 мм
 Paradise Apples
 2007. Ink, watercolor, paper, 356 x 257 mm



Песня Солодова

2007–2008. Тушь, акварель, бумага, 357 x 257 мм

Solodov's Song

2007–2008. Ink, watercolor, paper, 357 x 257 mm

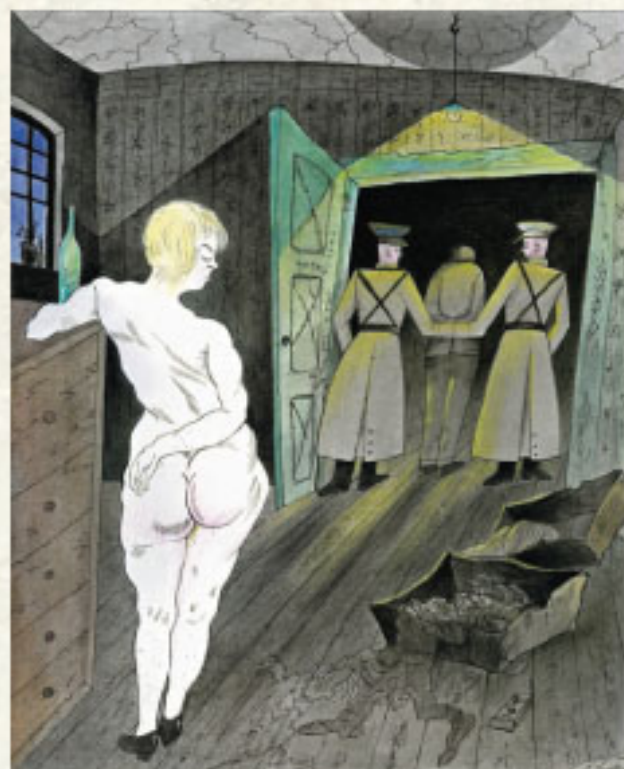


Побег на рывок

1983–2003. Смешанная техника, бумага, 237 x 191 мм

A Run for It

1983–2003. Mixed media on paper, 237 x 191 mm



Красное, зеленое

2009. Тушь, акварель, бумага, 316 x 257 мм

Red, Green

2009. Ink, watercolor, paper, 316 x 257 mm



«Как зайдешь в бистро-столовку...»

2009. Смешанная техника, бумага, 353 x 250 мм

"When you stop in a bistro or café..."

2009. Mixed media on paper, 353 x 250 mm

Концу охоты на волков —
это посвящено Михаилу
Шемякину. И я придумал
эту песню из-за него.

Кудела — этак я тоже обязан
быть. Это для него.

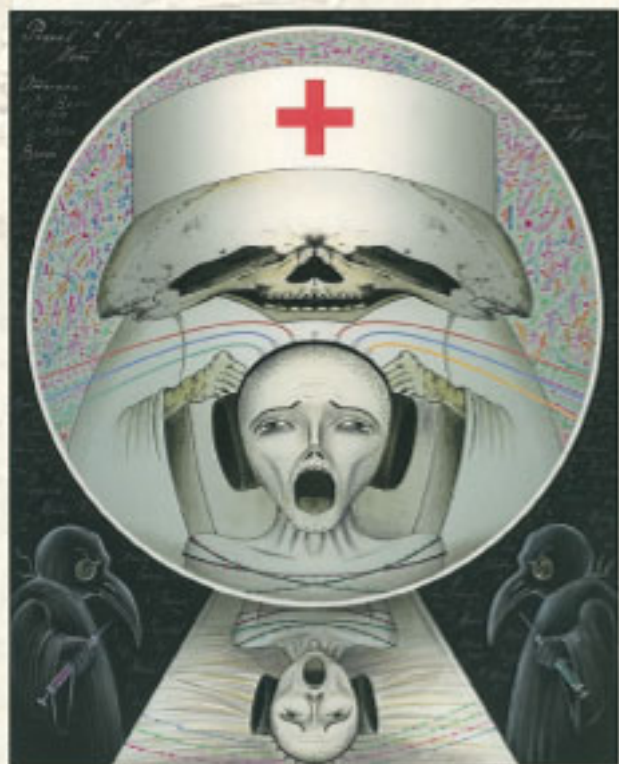
И самая серьезная моя беда
«Я был и слаб и уязвим»!

Митя! Это ты мне дал
эту идею.

Люблю себя. Потому что
люблю настоящих друзей.

Шемякина. Я хотел
бы жить здесь из-за того,
что ты — здесь!

В. Высоцкий



Ошибка вышла

2011. Смешанная техника, бумага, 333 x 257 мм

A Mistake was Made

2011. Mixed media on paper, 333 x 257 mm



Никакой ошибки

2007. Тушь, акварель, бумага, 356 x 256 мм

No Mistake

2007. Ink, watercolor, paper, 356 x 256 mm



История болезни

2007. Тушь, акварель, бумага, 357 x 257 мм

A History of Illness

2007. Ink, watercolor, paper, 357 x 257 mm



Гербарий

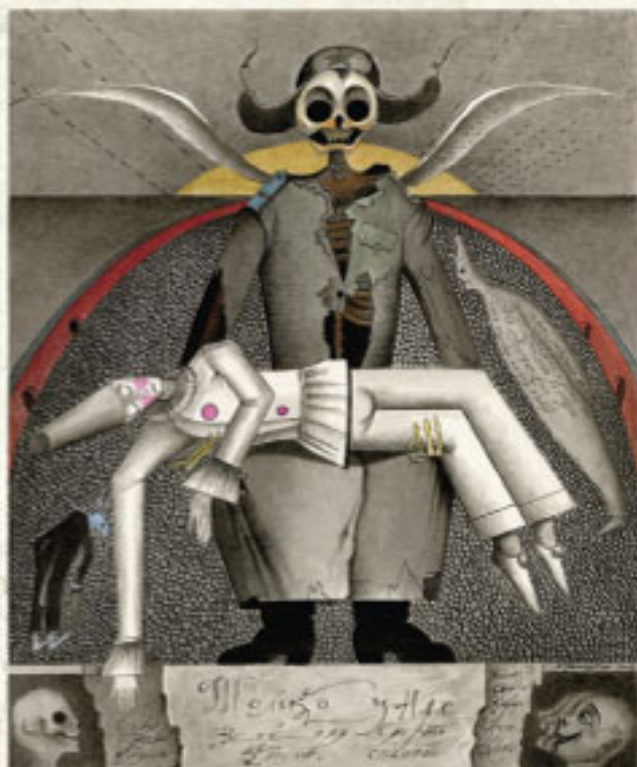
1987-2005. Смешанная техника, бумага, 240 x 191 мм

Herbarium

1987-2005. Mixed media on paper, 240 x 191 mm



Мой черный человек
2007. Тушь, акварель, бумага, 353 x 257 мм
My Dark Man
2007. Ink, watercolor, paper, 353 x 257 mm



Енгибарову – клоуну от зрителей
2007. Тушь, акварель, бумага, 358 x 256 мм
For Engibarov - To the Clown from his Audience
2007. Ink, watercolor, paper, 358 x 256 mm



Маски
2007. Тушь, акварель, бумага, 359 x 257 мм
Masks
2007. Ink, watercolor, paper, 359 x 257 mm



Кони привередливые
2007. Тушь, акварель, бумага, 356 x 256 мм
Capricious Horses
2007. Ink, watercolor, paper, 356 x 256 mm



Песня из спектакля «Десять дней, которые потрясли мир»
 2007. Тушь, акварель, бумага, 358 x 257 мм
 Song from the Play "Ten Days that Shook the World"
 2007. Ink, watercolor, paper, 358 x 257 mm

Две просьбы

М. Мещякину - другу
и брату - посвящая сей
полуджентри.

I Мне снятся крысы, хоботы и гербы. Я
гоню их брешь, сено и браня
Но вместо них я вижу виноградья,
вишейки: "Выход есть, - и выходу дня
- вина! И прекратится толкотня,
Виденья сгинут, сердце и предсердие
отпустит и расслабит бремя!
Я - снова - Я, и вы теперь мне верьте, я
Немного прошу взамен бессмертия, -
Широкий тракт, холст, друга да коня
Прошу покорно, голову склоня
Побойтесь Бога, если не меня, -
Не апажьте vessel, во имя Милосердия!

II Эту Фауста ли, Бориса Греча ли,
Но чтобы душу - дьяволу - Ни, ни!
Зачем чужаки мне гадать затеяли?
Всень смерти угнали мне они...
Ты эту дату, Боже, сохрани, -
Не отменяй в своём календаре, ни
В последний миг возьми и измени,
Чтоб Я не ждал, чтоб вороны не ржали
и чтоб агнцы жалобно не блеяли
Чтоб люди не хихикали в тени
от них ит всея е, Боже, охрани,
Сморся, ибо душу мне они
Самыми и страхами засыали

Париж
1 июня 1980г.

В. Высоцкий



Две просьбы
2005. Тушь, акварель, бумага, 360 x 258 мм
Two Requests
2005. Ink, watercolor, paper, 360 x 258 mm



Михаил Шемякин и Владимир Высоцкий. Фотография П. Бернара. Париж, 1976
Mikhail Chemiakin and Vladimir Vysotsky. Photograph by P. Bernard. Paris, 1976

(по басне Роча.)



Эскиз иллюстрации к песне «Осторожно, Гризли!»
 2007. Тушь, акварель, цветной карандаш, бумага, 315 x 230 мм
 Sketch for the illustration to "Danger, Grizzly Bears!"
 2007. Ink, watercolor, paper, 315 x 230 mm



Осторожно, гризли!
2007. Тушь, акварель, бумага, 352 x 256 мм
Danger, Grizzly Bears!
2007. Ink, watercolor, paper, 352 x 256 mm



Французские бесы
2005. Тушь, акварель, бумага, 355 x 256 мм
French Demons
2005. Ink, watercolor, paper, 355 x 256 mm



Песня-сказка про джинна
2005. Тушь, акварель, бумага, 359 x 259 мм
Tale of a Genie
2005. Ink, watercolor, paper, 359 x 259 mm



Моя цыганская
2007–2008. Тушь, акварель, бумага, 357 x 256 мм
My Gypsy Song
2007–2008. Ink, watercolor, paper, 357 x 256 mm



Баллада о брошенном корабле
2009. Смешанная техника, бумага, 304 x 248 мм
Ballad of an Abandoned Ship
2009. Mixed media on paper, 304 x 248 mm



Две судьбы
2005. Тушь, акварель, бумага, 359 x 259 мм
Two Fates
2005. Ink, watercolor, paper, 359 x 259 mm



Разговор с палачом
1987–2005. Смешанная техника, бумага, 240 x 183 мм
A Dialogue with the Executioner
1987–2005. Mixed media on paper, 240 x 183 mm



Мои похороны, или Страшный сон очень смелого человека
1988–2005. Смешанная техника, бумага, 231 x 185 мм
My Funeral, or the Nightmare of a Very Brave Man
1988–2005. Mixed media on paper, 231 x 185 mm



Погоня

2007. Тушь, акварель, бумага, 358 x 257 мм

The Chase

2007. Ink, watercolor, paper, 358 x 257 mm

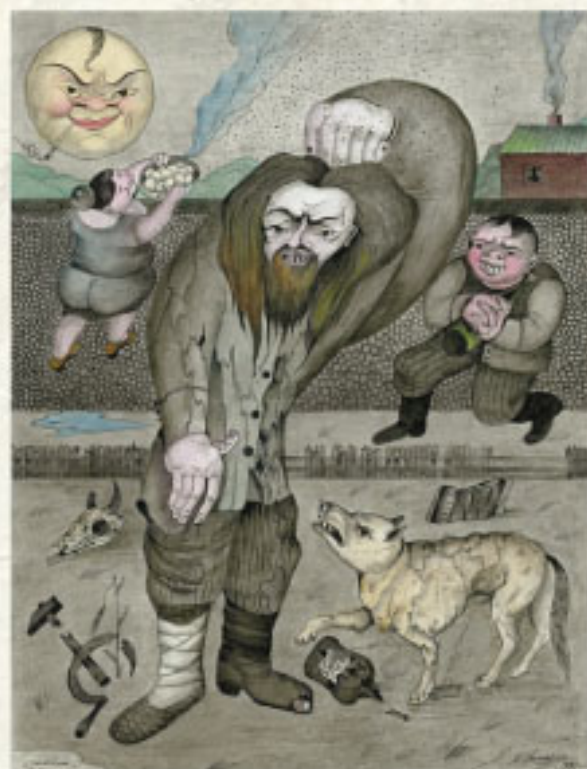


Чужой дом

2009. Тушь, акварель, бумага, 355 x 257 мм

Someone Else's House

2009. Ink, watercolor, paper, 355 x 257 mm

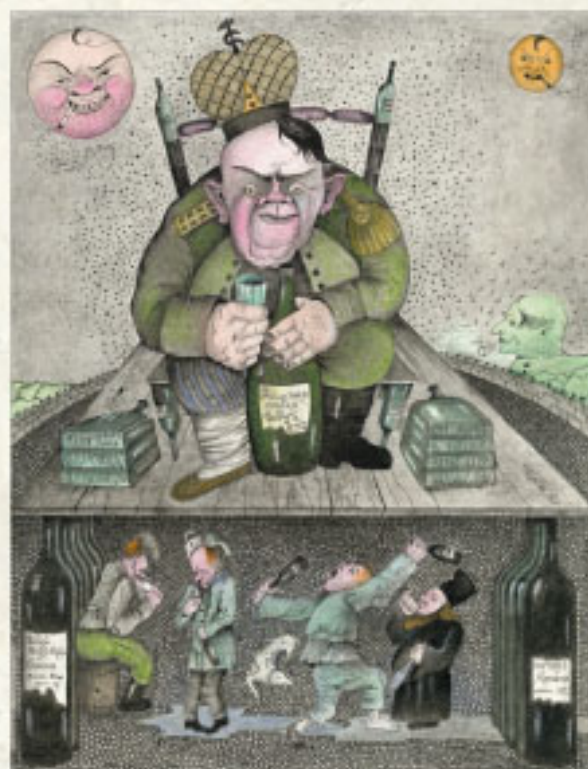


Смотрины

1980–2007. Смешанная техника, бумага, 230 x 170 мм

Inspecting the Bride

1980–2007. Mixed media on paper, 230 x 170 mm



«В одной державе, с населением...»

1986–2007. Смешанная техника, бумага, 234 x 188 мм

"In a Certain Land..."

1986–2007. Mixed media on paper, 234 x 188 mm

~~Кавказ~~

64 обзавелась нут ослепевшей,

Мишенины — это германский!
Я обнимаю тебя и люблю
и поклоняюсь таланту твоему
великому и цене широте твоей
и всему другому.
С Богом!

Володя.

Михайлу мечанину под визгательством
от серии "Гробо".

①

I И кто вы суть? Безликие кликуши?
Куда грядёте - в Мекку ли в Мессины?
Могели ли влечьте к Монпарнасу?
Кровавы ваши спины, словно туши
А туши - как ободренные спины
И рёбра в рёбра ~~ваше и нету спасу...~~
шпалит (КЗЯТ = шпалит и шпалит)

II Ударил Ток, скотину оглоуша
Обмякая плоть на плоскости картины
И тлехно пала мяснину на плечи.
На ум, на кисть творцу попала туша,
И дюжесе, согбенные детины,
~~Варшавские~~ дела неслезебны.

III Кончал палач - дела его ужасны,
А дальше те, кто гадис, ниссе, плоче
Таскали жертвы погас златотины:
Безглазны, безглаговы и безгласны
И, нахестея безсудны тушенощи
Как бы котлами бмяты в суть картины.

IV Так кто вы суть, ^{загубленные души} ~~визгательство~~ кликуши?
Куда спешите, полубразины?
Вас не разгять - едимы обе массы
Суть Сутина - "Спасите наши туши!"
Вы лажесте, заколоты в сины
И Урка слижет с ~~вашей и нету спасу.~~
(шпалит) шпалит вас Тримику.

V Я роготей - но вот не сплю ногами -
В глаза бы вам взглянуть из-за картины!
Неймётся мне шуту и подотрису -
Сдаётся мне - хасотали вые бизомы?!
Вы креот несли и ободрали сины?!
И рёбра в рёбра ваш - и нету спасу.

В. Высоцкий 1977г.
Париж.



Эскиз иллюстрации к стихотворению «И кто вы суть? Безликие кликуши?..»

2007. Коллаж, тушь, акварель, цветной карандаш, бумага, 290 x 229 мм

Sketch for the illustration to "And who are you? Faceless hysterics?.."

2007. Collage, ink, watercolor, colored pencil, paper, 290 x 229 mm



«И кто вы суть? Безликие кликуши?..»
 2007–2008. Тушь, акварель, бумага, 279 x 212 мм
 "And who are you? Faceless hysterics?.."
 2007–2008. Ink, watercolor, paper, 279 x 212 mm



Михаилу
Исмакину
- твоему другу
незабываемого
быть
мне!

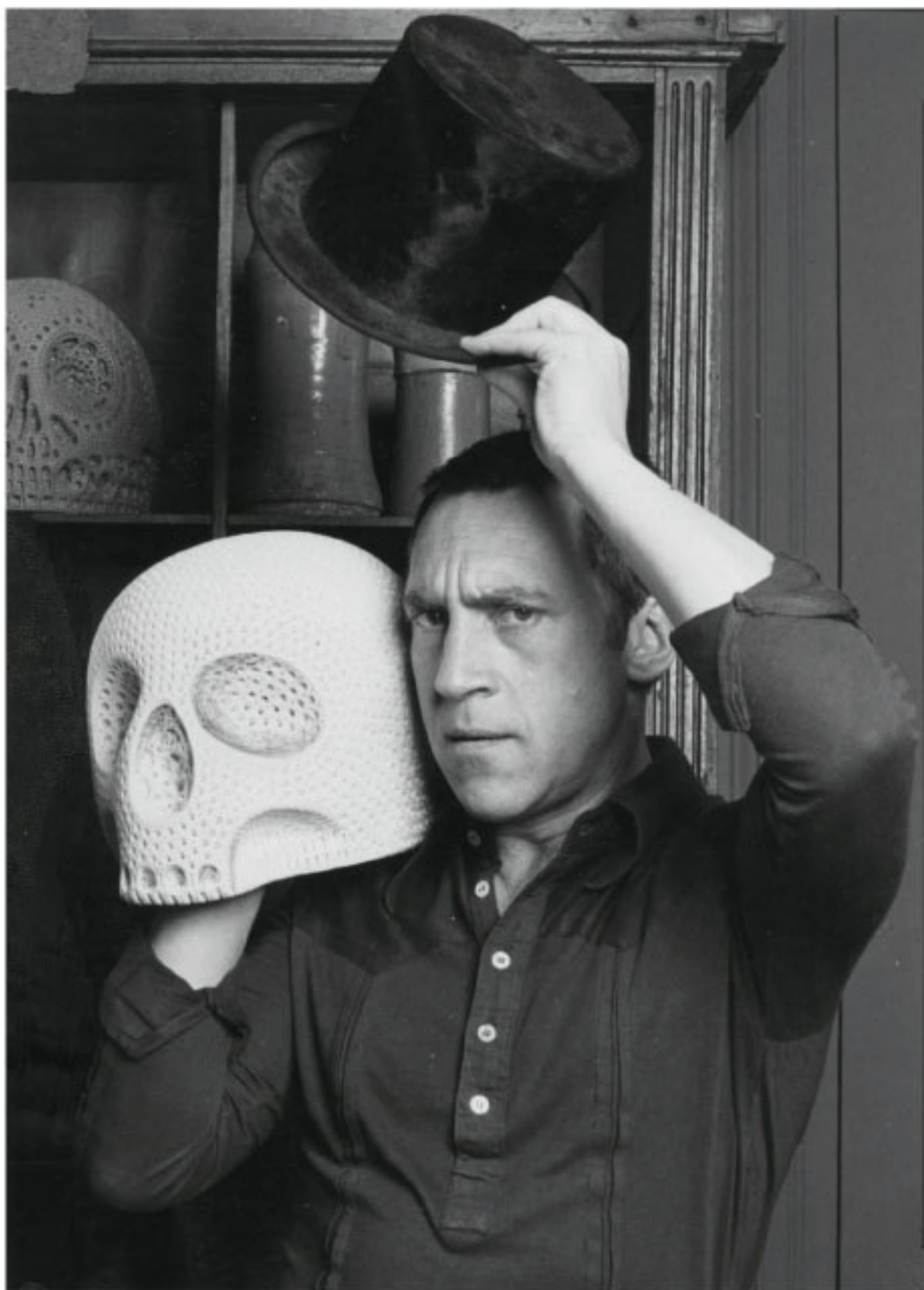
Как зайдёшь в бистро-
столовку,
по пивку ударишь, —
Вспоминай всегда про
Вовну:
- где мол, — друг-таборщик
в лице — трёхстоп.
Наш матёлый
Может всё до дна.
Про себя не забывай —
братом
Вовник был Исмакине

Баба, как насадка хохот
(не было бегаи!)

Вспоминай!!! Быть может Вовчик
"Починай, как звали."

М. Сметіакін - всегда, везде Исмакин
А посему французский не учи!...
Как хороша, как свежи были розы
Из ночи смерти схватили враги

Мишка! Милый! Брат
мой мишка!
разрази нас гром!
Поживём ещё, братишка
По жи ввём!
po di viot.



Владимир Высоцкий в мастерской Михаила Шемякина в Париже. Фотография П. Бернара. 1977
Vladimir Vysotsky in Mihail Chemiakin's studio in Paris. Photograph by P. Bernard. 1977



М. Шемякин. Памятник Владимиру Высоцкому, установленный в Самаре в 2008 году
 M. Chemiakín. Monument to Vladimir Vysotsky, installed in Samara (Russia) in 2008

Перевод на английский язык *Сары де Кей*
Редактор *Алексей Дмитренко*
Художественный редактор *Марина Захаренкова*
Корректор *Анна Загребина*

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 12. Тел.: +7 (495) 609-95-20; факс: (495) 697-95-78
Сайт: www.arts-museum.ru

Издательство «Вита Нова». 198097, Санкт-Петербург, Огородный пер., д. 23
Эл. почта: srb@vitapova.ru. Сайт: www.vitapova.ru
Тел./факс: +7 (812) 747-26-35, (812) 785-28-71, (495) 774-55-95 (в Москве)

Отпечатано в типографии «НП-Принт»
198005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., д. 29

всторонка! Грзли!

І однакedy я, накушавшись от туза -
вурной и красной, еловно из "ирилки",
по кабакам в бесшапкості кручеа,
огнулся на коленах у француза, -



А из сего тарелки ел без вилок
и тем ^{французам} ~~своим~~ резал без ножа
Кричал я: "Вруг! За што боролить?!" - Он
не разуселел со мной точк рошкений.
Он был майуган, глуп и ий/дсон
и пробовал аротить шма с носом

Зовник
Зовник